

ПОДМОСКОВНЫЯ
ДОРОЖНЫЯ ЗАМѢТКИ.

ПОДМОСКОВНАЯ

ДОРОЖНЫЕ ЗАМѢТКИ

С. Як—ва.

МОСКВА.

1862.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ГАЗЕТЫ «НАШЕ ВРЕМЯ.»

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

**съ тѣмъ, чтобы поотпечатаніи было представлено въ
ценсурный комитетъ, узаконенное число экземпляровъ.
Москва. Марта 30 дня 1862 года.**

Ценсоръ Я. Прибыль.

I.

Воскресенскъ.—Промышленность мѣстныхъ крестьянъ.—
Миткалевое производство.—Разговоръ крестьянъ о новомъ
своемъ положеніи, подслушанный въ трактирѣ.—Котлет-
ка, приготовленная по барски.—Сюрпризъ на градской поч-
товой станціи.—Волоколамскъ.—Городъ, бѣжавшій отъ
рѣки.—Село Яропольцы.—Село Слобода.—Кое-что о ко-
чевыхъ цыганахъ.—Открытие на клѣвской станціи же-
лѣзной дороги.—Мои сосѣди въ вагонѣ.

Былъ довольно темный, теплый вечеръ, когда
я на тройкѣ почтовыхъ выѣхалъ изъ Москвы, и
двинулся по дорогѣ къ Волоколамску. Мнѣ приш-
лось ѣхать ночью до самаго Воскресенска, заш-
татнаго города, болѣе извѣстнаго въ публикѣ
подъ именемъ Новаго-Іерусалима, потому что въ
этомъ городѣ находится монастырь такого назва-
нія, мѣсто ссылки патріарха Никона. Я остано-
вился ночевать въ городѣ, чтобы имѣть возмож-
ность лучше ознакомиться съ нимъ. Воскресенскъ
небольшой, но веселенькій городокъ, не похожій
на другіе русскіе уѣздные города развѣ потому,
что въ немъ нѣтъ большаго каменнаго дома

оштукатуреннаго и выкрашеннаго въ бѣлый цвѣтъ, дома, выстроеннаго на площади и извѣстнаго подъ именемъ: присутственныхъ мѣстъ. Но за то въ Воскресенскѣ, на его двухъ, трехъ улицахъ я замѣтилъ много жизни, оживленія, что вообще рѣдко встрѣчается въ тѣхъ городахъ, гдѣ нѣтъ фабрикъ и мануфактуръ; за то Воскресенскъ торговый пунктъ, базарное мѣсто для окрестныхъ жителей деревень и селъ, и потому въ базарные дни сюда съѣзжается довольно много народу, продавцовъ и покупателей; чаще всего, впрочемъ, одно и тоже лицо является здѣсь и тѣмъ, и другимъ, т. е. и продавцемъ, и покупателемъ. Сбывъ привезенный товаръ, крестьянинъ на добытыя деньги, приобретаетъ разныя издѣлія, необходимыя для его хозяйства. Окрестный народъ здѣсь занимается хлѣбопашествомъ по преимуществу; очень малая часть промышляетъ извозомъ въ Москвѣ, легковынъ и ломовымъ; фабричныхъ почти вовсе нѣтъ; только нѣкоторые крестьяне держатъ у себя въ деревняхъ небольшія трактины заведенія въ пять, десять становъ, и ткуютъ миткаль по заказу богатыхъ фабрикантовъ. Такого рода занятіе считается вообще выгоднымъ въ мѣстахъ, расположенныхъ недалеко отъ промышленныхъ центровъ; здѣсь оно еще не такъ развито, какъ во владимірской губерніи, въ уѣздахъ суздальскомъ и шуйскомъ. Тамъ въ каждомъ селеніи вы непременно встрѣ-

тите пять, шесть такихъ фабрикъ, выстроенныхъ отдѣльно на краю деревни или среди ея, въ видѣ продолговатой избы съ большими, частыми окнами. Такой же точно видъ имѣютъ и миткалевые фабрики, или, лучше сказать, фабрички, въ окрестностяхъ Воскресенска: кромѣ миткаля, здѣсь, въ нѣкоторыхъ домахъ, ткутъ холстинку и бумажные платки, продаваемые, по большей части, тутъ же на мѣстѣ производства, или сдаваемые тѣмъ же промышленникамъ, которые покупаютъ и миткаль. Условія производительности деревенскихъ фабрикантовъ различныя: одни работаютъ изъ своего матеріала и продаютъ уже готовые произведенія; другіе берутъ у *хозяевъ* (какъ называются крупные промышленники) основу и весь матеріалъ; деньги же получаютъ только за работу на своихъ станахъ. Доходъ, получаемый такой промышленностію, весьма различенъ.

Я замѣтилъ, что, кромѣ этого, звенигородскіе, рузскіе и отчасти волоколамскіе крестьяне занимаются продажей дровъ. Дорогой мнѣ попадалось много обозовъ съ дровами, которыя везли на продажу въ Москву. На вопросъ мой: откуда они берутъ столько дровъ, крестьяне отвѣчали, что у нихъ свои дрова, и затруднялись давать болѣе точное объясненіе этимъ словамъ.

Въ Воскресенскѣ три трактира, всегда полные народа; я зашелъ въ одинъ изъ нихъ. Молодой

уарень, въ красной рубахѣ, съ грязнымъ передникомъ, съ полотенцемъ черезъ плечо, головой наклоненной на бокъ и отличающійся особеннымъ искусствомъ вилять во всѣ стороны руками и ногами, какъ будто онѣ у него вывороченныя, проводилъ меня на верхъ, въ довольно большую комнату, и усадилъ за отдѣльнымъ столомъ.

— Что прикажете-съ? произнесъ онъ, наклонивъ голову еще болѣе на бокъ и смотря мнѣ прямо въ глаза.

— Что у васъ есть съѣдобнаго?

— Всѣ-съ.

— Что же всё?

— Бивстексъ, ваклеты....

— Ну, сдѣлай мнѣ котлету.

— Слушаю-съ. И онъ, виляя всѣми членами, спустился по лѣстницѣ внизъ.

Я осмотрѣлъ комнату. Почти рядомъ со мною окна, вырубленнаго на подобіе слуховаго, за большимъ столомъ сидѣло человекъ семь крестьянъ и пили чай. Одѣты были они очень просто, неряшливо, и только двое въ новыхъ, синихъ суконныхъ кафтанахъ рѣзко отличались смѣлостью взгляда и сознаниемъ своего превосходства надъ товарищами; они сидѣли на противоположныхъ концахъ стола и большею частію говорили по очереди; остальные только слушали ихъ и по временамъ поддакивали.

— Дивлюсь я, право слово, на нашъ народъ, говорила одна изъ синихъ чукъ: ничѣмъ, кажется, его въ довольство не приведешь. Есть ли теперь сравненіе нынѣшняго времени съ прошедшимъ? Прежде, бывало, бѣденъ ты, на тебѣ все и обрушивается; на барщину къ помѣщику требуютъ—ты далъ старостѣ, или управителю гривенникъ или что тамъ придется, освобождаютъ тебя отъ работы, а на барщину идетъ одинъ бѣднякъ. Всякія несправедливости бывали. Тепереча ужъ этого не сдѣлаешь; теперича все по справедливости дѣлается, а народъ пуще прежняго недоволенъ, и во многихъ мѣстахъ сумленія и неудовольствія происходятъ. Станный, право, народъ.

—Точно, что странный, Пётро Кузмичъ, поддакнули его собесѣдники.

—А не оттого ли это теперича происходитъ, возразила другая синяя чуйка, что народъ больше свое дѣло сталъ понимать? да прежде, какъ онъ былъ барской, у него той заботы о себѣ не было, а теперича всякой о себѣ понимаетъ и заботится.

—Вздоръ ты толкуешь. Развѣ такое бываетъ пониманіе! По твоему, это пониманіе, что у нихъ съ господами больше неудовольствій бываетъ. Скажите вотъ всѣ вы, братцы, по откровенности, легче теперича, али нѣтъ?

—Не въ примѣръ легче, Пётро Кузмичъ, отвѣчали всѣ хоромъ.

—А коли легче, отчего такое происходятъ разныя неудовольствія? оттого что человѣкъ, значить, ни отъ чего въ довольствѣ не можетъ быть, и все хочетъ еще лучше себѣ получить, — вотъ отъ чего всѣ эти неудовольствія.

—Нѣтъ, не оттого Пётро Кузмичъ, замѣтилъ крестьянинъ съ большой черной бородой, въ которой проглядывала уже сѣдина, и съ свѣтлымъ умнымъ взглядомъ. Неудовольствія потому бываютъ, что не всѣ, значить, свое положеніе въ толкѣ берутъ. Опять не всѣ знаютъ, что для него можетъ баринъ сдѣлать, и чего не можетъ. Опять новыя власти и мы къ нимъ непривычны.

—Да, вѣдь, положеніе читали вамъ? спросилъ Пётро Кузмичъ.

—Читали.

—Такъ отчего же вы свои новыя правила не знаете?

— Всего не упомянешь, Пётро Кузмичъ, произнесъ рабоватый мужичишко съ рѣдкой, рыжей бородой.

— То-то и есть, память у насъ коротка, въ томъ-то и бѣда, сказалъ самодовольно Пётро Кузмичъ; а пора бы, братцы, короткую память-то по боку, да своимъ разумомъ жить, — помнить все, что знать надлежить. Какъ же я, теперича, все помню и ничего забыть не могу.

— Ты Пётро Кузмичъ, дѣло другое; ты у

насъ волостной голова, отвѣчали въ одинъ голосъ крестьяне.

— Мало ли что голова, а чай такой же человекъ, какъ и вы, то-же крестьянинъ; память у меня такая же какъ у васъ. Нѣтъ, братцы, намъ, теперича всякій человекъ самъ о себѣ долженъ заботу имѣть и свои обстоятельства всѣ самъ знать, а то толку изъ энтаго никакого не будетъ.

— Какой же толкъ, Пётро Кузьмичъ?

— Оедька, а, Оедька! сюда! крикнулъ рябоватый мужичишко, выглянувъ въ окно.

Я сдѣлалъ тоже, и увидѣлъ, выходящаго изъ противоположнаго трактиру кабака, мужичка пожилаго и болѣзненнаго вида. Услышавъ свое имя, громко произнесенное, онъ посмотрѣлъ на верхъ, кивнулъ головой, и минуту чрезъ десять вошелъ въ нашу комнату съ бутылкой пива въ рукахъ.

— Благодаримъ покорно, батюшка, Пётро Кузьмичъ, произнесъ онъ низко кланаясь.

— Меня не зачто благодарить, — все по справедливости дѣлается; таперича былъ ты у мирового посредственника и увидѣлъ онъ, что ты правъ и взялъ твою сторону, а я въ этомъ дѣлѣ не причѣмъ, отвѣчалъ голова.

— Всё мы тебѣ благодарны, Пётро Кузьмичъ. И онъ налилъ пива въ небольшія рюмки, стоявшія

тутъ же на столѣ. Пожалуйте, произнесъ онъ, обращаясь къ головѣ.

— Зачѣмъ это произнесъ голова.

— Сдѣлайте милость.

— Вовсе это не нужно.

— Не обижайте, Пётро Кузьмичъ.

— Ну, пей, я ужъ свою долю выпью; за нами остановки не будетъ. И всѣ эти неудовольствія устранить можно, продолжалъ онъ ораторствовать; таперича у насъ въ имѣніи, наряжаетъ Митрій Митричъ пахать по три лошади на десятину; хорошо. Сдѣлалъ я нарядъ, а крестьяне говорятъ, имъ это не подъ силу, просятъ позволить имъ четвертую лошадь взять. Я къ Митрію Митріевичу, и доложилъ ему; а онъ говоритъ: я бы, говоритъ, Петръ, четвертую лошадь позволилъ, да зачѣмъ они моего приказу не слушаются; опять, говоритъ, четвертую лошадь позволю, ино пятую запросятъ. Только я это уломалъ, позволилъ онъ четвертую лошадь. Какъ вы думаете, братцы, они и заправду пятую запросили, и что же братцы, по моему по настоянію, позволилъ Митрій Митричъ пятую лошадь. А случись это въ другой вотчинѣ, староста, пожалуй, барину не доложилъ бы, али не такъ какъ слѣдуетъ доложилъ и пошли бы всякія неудовольствія.

— Оно справедливо такъ, поддакнули крестьяне.

— Таперича и ты, Федька, приходишь ко мнѣ, говоришь: баринъ понуждаетъ на работу идти, а ты болѣнъ; вижу, точно ты болѣнъ; ну отправился я съ тобой къ посредственнику и объяснили мы ему все это дѣло и онъ тебя освободилъ.

— Благодаримъ покорно, Пётро Кузмичъ.

— Не за-что; я свое только дѣло дѣлаю.

Въ это время вбѣжалъ влиющій всѣми членами половой, и поставилъ передо мной горячую котлетку, тарелку довольно грязную и положилъ еще болѣе грязные ножикъ и вилку.

— По-барски приготовлена, произнесъ онъ съ улыбкой, указывая на тарелку. Не знаю, почему половой, — онъ же и поваръ, какъ я узналъ послѣ, — составилъ себѣ довольно оригинальное мнѣніе о барскомъ вкусѣ; онъ полагалъ, что господамъ особенно пріятна сладкая пища, и потому всыпалъ неимовѣрное количество сахару въ мою котлетку, такъ что она скорѣе имѣла вкусъ какого-то пирожного, приготовленнаго изъ засахареннаго мяса. Но меня всего болѣе удивило въ этомъ трактирѣ то, что при расчетѣ котлетка была оцѣнена въ 40 к. сер. Какъ вамъ покажется такая дороговизна въ дрянномъ трактирѣ заштатнаго подмосковнаго города? Для кого-же существуютъ трактиры съ такими цѣнами за яства? — надѣюсь не для крестьянъ. Или половой захотѣлъ воспользо-ваться случаемъ, что къ нимъ зашелъ путеше-

ственникъ, потребовавшій котлетку, которую ему приготовили «по-барски». А, можетъ быть, и сахаръ здѣсь стоить дорого! Будучи въ первый разъ въ Воскресенскѣ, я не зналъ, что онъ сообщается съ Москвою гораздо удобнѣйшимъ путемъ, нежели та дорога, чрезвычайно плохая для ѣзды, по которой я ѣхалъ въ первый разъ. Черезъ недѣлю, когда мнѣ нужно было опять попасть въ Воскресенскъ, я уже отправился по николаевской желѣзной дорогѣ до второй станціи; тамъ я нанялъ линейку, которая и доставила меня въ Воскресенскъ. Линеекъ этихъ у станціи желѣзной дороги вообще много, такъ какъ бываетъ достаточное количество богомольцевъ, отправляющихся съ религіозною цѣлю въ Новый-Іерусалимъ. При довольно поспѣшной ѣздѣ, неудобство этихъ линеекъ дѣлается скоро замѣтнымъ; онѣ очень тряски и фартуки нисколько не защищаютъ отъ пыли въ жаръ и отъ грязи въ мокрое время года. Линейка тройкой беретъ за 18-ти верстное разстояніе 2 руб. сер., а иногда и полтора. Дорога вообще хороша и идетъ по полямъ; часто попадаются деревни, при приближеніи къ которымъ васъ окружаютъ деревенскіе мальчики и дѣвочки съ предложеніемъ купить у нихъ ягодъ. Добываніе денегъ здѣсь развито на столько, что верстахъ въ семи отъ Воскресенска, близъ какого-то села, приходится переѣзжать черезъ рѣчку, и мальчики

и дѣвочки ждутъ васъ у мосту съ кружками, предлагая напиться, разумѣется, за деньги. Нищія здѣсь, какъ вездѣ, провожаютъ васъ своими причитаніями и моленіями.

По дорогѣ изъ Воскресенска въ Волоколамскъ, мнѣ пришлось свернуть въ сторону и потомъ снова выѣхать на большую дорогу въ Грядскую станцію, гдѣ я хотѣлъ взять почтовыхъ лошадей. Но давно извѣстно, что человекъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ. Пословица эта, говорятъ, испанская, но чрезвычайно примѣнима ко всякой другой странѣ. На станціи оказались на лицо только изба и въ ней, повѣшенныя на стѣнѣ въ рамкѣ: «правила для почтовыхъ станцій». Станціонный писарь еще съ утра ушелъ верстъ за пятнадцать; лошади паслись въ полѣ, а ямщикъ, какъ объяснили мнѣ, гулялъ на праздникѣ, въ деревнѣ, въ четырехъ верстахъ. Пришлось помѣститься въ избѣ, и ждать пока кто-нибудь явится на выручку, хотя свободного времени у меня было очень мало и я спѣшилъ. Раздосадованный, я было хотѣлъ принести жалобу почтовому начальству, и посмотрѣлъ, гдѣ заведенная на этотъ случай жалобная книга, которая, по закону, должна быть припечатана къ столу, чтобы смотритель не могъ скрыть еѣ отъ проѣзжающихъ. Оказалось, однако, что такой книги на станціи вовсе не имѣется. Мнѣ пришлось, такимъ образомъ, догально долго ждать въ запу-

стѣломъ мѣстѣ, пока, наконецъ, не явился пьяный ямщикъ и не объявилъ, что повезетъ меня дальше, забывъ прибавить, что чрезъ пять верстъ вывалить изъ телѣги, сломаетъ ось и разшибетъ себѣ голову въ кровь. Это былъ сюрпризъ, впрочемъ, кажется и для него. Впослѣдствіи, когда я возвратился въ Москву, я послалъ въ почтамтъ жалобу на Грядскую станцію, и вотъ копія съ отвѣта, полученнаго мною: «Московскій почтамтъ имѣетъ честь увѣдомить, что такъ какъ, по разслѣдованію подтвердилось, что, во время проѣзда вашего чрезъ Грядскую станцію, писарь самовольно отлучился отъ своей должности, чрезъ что встрѣтилось для васъ задержаніе, то онъ и удаленъ со станціи: жалобныя же книги всегда находятся на станціяхъ, припечатанными къ станціонному столу, какъ и на Грядской станціи». Я до сихъ поръ не могу понять, почему почтамтъ удостоилъ вѣрою только одну половину моей жалобы.

.... Я уже проѣхалъ мимо двадцати или тридцати плохихъ и ветхихъ избъ довольно большаго села, когда предо мною предстало нѣсколько домовъ съ тесовыми, крашеными крышами и церковь. Я спросилъ у ямщика: что это за село? и получилъ въ отвѣтъ, что мы ѣдемъ городомъ Волоколамскомъ. Безъ этого объясненія я никогда бы не догадался, что нахожусь уже въ цѣли моей первой поѣздки; мнѣ еще не случалось видать такихъ